

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦИНИЗМ: КОНЦЕПТ И РОССИЙСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

А.В. Оболонский

*Национальный исследовательский университет —
Высшая школа экономики*

Аннотация: В статье рассматриваются теоретические, исторические и прикладные аспекты политического цинизма. Одним из современных проявлений политического цинизма автор полагает геополитический тип мышления, легитимирующий определённые действия конкретных политиков. Этот тип связан с посттоталитарным синдромом массового сознания в России. Выход из сложившейся ситуации автор видит в «политическом романтизме», основанном на «повышающей адаптации» — апеллировании к лучшим сторонам человека (чувству собственного достоинства, самоуважению, к потребностям высших уровней).

Ключевые слова: политический цинизм, общественное сознание, посттоталитарный синдром, понижающая адаптация, повышающая адаптация.

Тема конференции не просто актуальна, а угрожающе актуальна, ибо политический цинизм в сегодняшнем его изводе представляет реальную угрозу самому существованию нашего общества как современного и цивилизованного. Я бы предпочёл, чтоб он был не столь актуален. Ведь не на пустом месте возникла почти апокалиптическая точка зрения, что Россия за последний год «выпала из цивилизации». Будучи относительным оптимистом, я не вполне с ней согласен как с констатацией (равно как и с утверждением о постигшей Россию «антропологической катастрофе»), но как с подобной вероятностью и угрозой — несомненно. Ведь политический цинизм из сферы рассуждений теоретиков переместился в область кровавой античеловечной практики. Попробую внести немного оптимизма в конце.

Но, как и полагается в академических текстах и штудиях, сначала немного об истории и понятиях.

Происхождение

Цинизм, как и многое в жизни человечества, родился из парадоксов. И первый из таких парадоксов — этимология самого слова. Как известно, оно произошло от самоназвания древнегреческих киников, людей, для которых главным было не философствование, не игра с понятиями, а «кинический» образ жизни. С веками кинический взгляд на «правила жизни» тем или иным образом вошёл в целый ряд на первый взгляд очень разных философских тече-

ний и типов поведения — от стоицизма и христианского аскетизма до экзистенциализма, хиппстерства и других демонстративных форм контркультуры XX–XXI веков. (Ведь «классические» хиппи — настоящие киники, даже по внешнему поведению похожие на Диогена. Да и на современный акционизм тоже можно посмотреть в киническом контексте; хотя его порой открыто провокативный характер приближает его к цинизму в современном смысле.) Но в основном киницизм к собственно цинизму в сложившемся понимании слова имеет скорее вербальное, чем смысловое отношение. И упомянул я об этом, чтобы предотвратить смешение понятий. А теперь перейдём к цинизму в подлинном смысле.

Из многочисленных определений цинизма наиболее чёткими и научными, как ни странно, оказались два из изданий глубоко советских времён. От них и будем отталкиваться. Лишь в немного сокращённом варианте.

«Цинизм — нигилистическое отношение к достоянию общечеловеческой культуры, особенно к морали, идее достоинства человека, иногда — к официальным формам господствующей идеологии, выраженное в форме издевательского глумления. Цинизм в поведении и убеждениях характерен для людей, стремящихся достигнуть своих эгоистических целей любыми средствами. В социальном плане явления цинизма имеют двоякий источник. Во-первых, это „цинизм силы“, характерный для практики господствующих... групп, осуществляющих свою власть и своекорыстные цели откровенно аморальными методами.... Во-вторых, это бунтарские настроения и действия (напр., вандализм) социальных слоёв, групп и индивидов, испытывающих гнёт несправедливости и бесправия, идеологическое и моральное лицемерие эксплуататорского класса, но не видящих выхода... и повергнутых в состояние духовной опустошённости» [Цинизм... 1978].

«Цинизм — моральное качество, характеризующее презрительное отношение к культуре общества, к его духовным, и в особенности нравственным ценностям.... первоначально это — возврат к „естественному состоянию“. Впоследствии цинизмом стали называть слова и деяния, в которых совершается надругательство над тем, что составляет исторические достижения культуры человечества, глумление над нравственными принципами, осмеяние идеалов, попрание человеческого достоинства. Цинизм в поведении и убеждениях характерен для людей, преследующих свои эгоистические интересы всеми возможными средствами, включая и аморальные» [Цинизм... 1975].

Развёрнутый набор элементов цинизма политического (что и является предметом конференции) дал Л.Д. Гудков в статьях 2005 и 2013 гг. К ним мы обратимся позже. А пока немного истории.

Принято считать, что первым теоретиком политического цинизма был Никколо Макиавелли, а его краткий трактат «Государь» (на самом деле — Prince, т. е. скорей Герцог) стал первым сводом цинических правил эффективного политического менеджмента (или «политтехнологий», на ещё более современном языке). Думается, однако, что пальмы первенства он не заслуживает. Первым теоретиком политического цинизма видится мне китайский аристократ Шан Ян. Ибо почти за две тысячи лет до Макиавелли он сформулировал основные принципы легизма, которые по своей полноте и разработанности далеко превосходят список рецептов, предлагавшийся флорентийцем. В сущности, написанная им «Книга правителя области Шан» — первая библия тоталитаризма, «справочник политтехнолога», чётко, откровенно, предельно цинично описывающий набор механизмов подавления народа и манипулирования людьми для обеспечения безграничной власти деспотического государства. Назову лишь некоторые.

1) Концепция наказания, предусматривающая отсутствие какой-либо связи между тяжестью проступка и мерой возмездия, ибо «там, где людей сурово карают за тяжкие преступления, но мягко наказывают за мелкие проступки, не только нельзя будет пресечь тяжкие преступления, но невозможно будет даже предотвратить мелкие проступки» [Шан цзюнь шу... 1968: 164].

2) Идея, что сила государства обеспечивается слабостью народа: «Когда народ слаб — государство сильное, когда государство сильное — народ слаб. Поэтому государство, идущее истинным путём, стремится ослабить народ». И соответствующая глава трактата названа предельно откровенно: «Как ослабить народ» [там же: 219].

3) Поощрение всеобщего доноительства и круговой поруки, начиная от семей и кончая армией.

4) Система прижизненных и загробных привилегий.

5) Целая совокупность мер по предотвращению возникновения бюрократических корпораций и подчинения всех чиновников лишь милости и гневу императора [Государственная служба... 2009: 20–21].

Поскольку автор, в отличие от Макиавелли, был и министром при правителе, то книга содержит проекты указов, его речей и наставлений. «Это был один из самых читаемых политических трактатов... древности, нового и новейшего времени... Формирование политических и экономических воззрений Чан Кай Ши и Мао Цзэдуна также испытало влияние „Книги правителя области Шан“» [Перемолов 1968: 109]. Но не будем углубляться в известную дискуссию о том, был ли Макиавелли искренним «макиавеллистом» или же просто написал справочник по заказу правителя. Ограничимся констатацией приоритета китайского автора как первого теоретика научного тоталитаризма.

Для нашего сюжета важнее, что оба они были циниками откровенными, честными, если можно так выразиться. А во времена более близкие цинизм стал маскироваться, камуфлируясь понятиями «государственных интересов», «суверенитета» и т. п. Идеологической основой этих построений долгое время было так называемое «божественное право государей». В начале же XX века, когда легитимность религиозных обоснований светской власти потускнела, появились иные конструкты. И одним из самых популярных стала геополитика.

Геополитика как вид политического цинизма¹

Расхожие суждения о России как стране парадоксов и «особого пути» обернулись для нас в XXI в. весьма печальной стороной, а в последние годы и особенно месяцы приобрели просто-таки угрожающий, злокачественный смысл. Одно из проявлений этого процесса — шумное возвращение на политическую авансцену геополитического типа мышления с соответствующими ему логикой и фразеологией, легитимирующими определённые действия реальных политиков. Если не входить в нюансы, то геополитика (сейчас ее предпочитают называть мировой политикой) — это государственная идеология и обслуживающая ее научная дисциплина, в основе которой лежит социал-дарвинистский взгляд на мир исключительно как на арену «внутривидовой» борьбы государств, борьбы, в которой меняются задачи, методы, промежуточные цели, но не сама суть: народы — враги, мир — ринг, государства — бойцы на нем, а конфликт — основа основ существования и взаимоотношений.

Этот геополитический фантом в XX веке стоил человечеству двух мировых и множества «малых» войн, а также неизбежно сопутствовавших им войн с «внутренними врагами», принеся людям неисчислимые беды и страдания. Словом, геополитика — насквозь пропитанный кровью вид ложного сознания. Казалось бы, страшные уроки минувшего столетия должны были начисто отвратить людей от подобных представлений, а саму геополитическую логику отправить на свалку истории. Но жизнь, увы, пошла «нижнечегемским путём», как писал по другому поводу Фазиль Искандер. Слишком уж удобна эта политическая алхимия для тех, кто благодаря ей вдруг могут ощущать себя вершителями судеб мира (или, по крайней мере, судеб миллионов), да ещё и получать с этого разного рода дивиденды. Выгодно это и обслуживающему их персоналу. А его немало — и в более низких коридорах власти, и в сре-

¹ Подр. см.: Оболонский 2015. Здесь я воспроизведу лишь некоторые тезисы указанной статьи.

де прикормленных экспертов, и в подконтрольных СМИ. Задача таких «учёных приказчиков» и идеологических «портных» — облечь античеловечные цели в пристойные квазиидеологические одежды, подкрасить их политологическим макияжем, а то и подсказать какие-нибудь циничные «политтехнологические» приёмы. При этом они, вооружившись новейшими технологиями, используют их для дезинформирования, а то и просто для «манкуртизации» людей. Люди старших поколений, наверное, помнят журналистское клише глубоко советских времён «поджигатели войны». Думается, сегодня оно уместно применительно ко многим рупорам пропагандистского оформления политики. А если его не воскрешать, а оттолкнуться от известной идеологемы, согласно которой «каждому воздастся по вере его», то для одних впереди маячит гаагский трибунал, а для других — суд Божий или геенна огненная. Но с аналитической точки зрения интересно, почему это оказалось столь эффективным, по крайней мере, в краткосрочном плане.

В сегодняшней России это соединилось с ностальгией по утраченной якобы «великой стране». А простая мысль, что внешняя политика должна лишь обслуживать главную — внутреннюю политику, поскольку именно та напрямую связана с интересами граждан страны, а не отражать некие химеры, рождённые в мозгу рассуждающих у крупномасштабных карт и глобусов политиканов и их присных, пока не очень воспринимается широкими слоями населения. И это вопреки тому, что отнюдь не сами политики и не их идеологическая «челядь», а обычные люди расплачиваются своими жизнями и лишениями за политические амбиции и мании величия придворных геополитиков.

Печальный результат возрождения геополитического синдрома известен: Россия превратилась в государство-изгой со всеми вытекающими многообразными последствиями.

Посттоталитарный синдром сознания

Поражённость массового сознания россиян посттоталитарным вирусом оказалась куда серьёзнее, чем представлялось ещё недавно. И, что для многих стало совсем уж неожиданным, не сработал «принцип Моисея», 40 лет водившего по пустыне народ Израиля, ожидая, пока вырастет и войдёт в силу новое поколение, не знавшее рабства.

Причины устойчивости этого комплекса — тема отдельная и очень серьёзная. Её, в частности, глубоко осветил Л.Д. Гудков [Гудков 2013: 118–178]. Думается, её прежде всего надо обсуждать в категориях глубокой ценностной деформации и деградации отечественного общественного сознания. Вообще причины поразившего массовое сознание россиян «крымнашизма» и его последующих проявлений с трудом поддаются рациональному объяснению с позиций homo sapiens. Думаю, их следует обсуждать в контексте таких психологических феноменов, как «стокгольмский синдром», «виктимизация», демонстративный суперконформистский активизм, снижение чувства эмпатии по отношению к назначенным «врагам», романтизм вседозволенности (вспоминается фраза песни из классического мультфильма советских времён — «романтики с большой дороги»), «банальность зла» (по Х. Арендт).

Полагаю, очень хорошую основу для этого содержат работы Л.Д. Гудкова. Напомню некоторые основные выделенные им конструкты: негативная мобилизация, понижающая адаптация, отрицание существования у людей «высоких» мотиваций, примитивизация ценностной шкалы и некроз высших ценностей, признание приоритета силы над правом, патерналистские суррогаты идеологии, стерилизация культурных и интеллектуальных элит, наконец — милитаристский национализм как негативная самоидентификация, в крайних проявлениях приобретающая печально знакомые черты нацизма.

Наше общество глубоко нездорово. Думается, одна из причин этого — комплекс социально-государственной неполноценности и боязни перемен. Он распространён на разных уровнях сознания, в разных социальных группах и возникает на пересечении двух компонентов: с одной стороны, это сознание ущербности, порочности и бесперспективности

господствовавшей испокон веку системы общественных отношений, с другой — ощущение своей органической сращенности с ней, из-за чего ее изменение воспринимается как угроза устоявшемуся порядку бытия, заведённому укладу жизни, пусть далеко несовершенному, но единственно привычному и, следовательно, как угроза. Причём перемен бояться и многие из тех, кто, казалось бы, могут от них лишь выиграть. Но пугают риск и состязательность. Государственная опека, дававшая гарантии прожиточного минимума, возможность прожить пусть кое-как, но зато без особого напряжения в труде, а в ряде случаев — лишь имитируя полезную деятельность, по-прежнему привлекательна. В целом здесь, видимо, срабатывает стереотип, о котором писал ещё Карамзин: «Зло, к которому мы привыкли, для нас чувствительно менее нового добра, а новому добру как-то и не верится» [Карамзин 1991: 114] И для цинизма здесь открыто широкое поле.

Начнём с уровня *производителей смыслов*. При этом «новый» извод политического цинизма опасней, ибо он демагогически маскируется такими словесными клише как «национальные интересы», «патриотизм», «исторические корни» и т. п., одновременно стигматизируя несогласных клише негативными — «пятая колонна», «национал-предатели» и пр. При этом даже не озабочиваются придумыванием новых слов, а просто бездумно заимствуют из известных и давно дискредитировавших себя источников. (Думаю, в этой аудитории уточнения не требуются).

В том же «поле» находится и *наглость* как стиль политического поведения и его вербального оправдания. Причём чем она «круче», как и неизбежно сопровождающая ее ложь, тем «лучше» и, в краткосрочной перспективе, по видимости, эффективней. Это проявляется, например, на переговорах с западными политиками, которые тушуются от этого, когда «на голубом глазу» отрицаются очевидные вещи.

При том, что, как справедливо отмечают некоторые авторы, при привлечении политической экспертизы *выбор между качеством и лояльностью сделан в пользу последнего*, и уровень экспертных оценок неизбежно понижается, этот «новый цинизм» не лишён некоторых претензий на интеллектуализм и рафинированность. Наряду с полублатными клише, используются и цитаты из серьёзных философов прошлого — из И. Ильина², например, или даже Н. Бердяева. Правда, весьма избирательно и порой путанно и ошибочно, но этого хватает, чтобы придать некоторым «пещерным» вещам некий псевдоинтеллектуальный лоск и видимость «научности».

Но оставим политический истеблишмент и перейдём на уровень *потребителя смыслов*. Тут тоже стоит выделить несколько вещей.

Активистский конформизм как форма демонстративной политической псевдоактивности. Её ведущая «ценность» (если здесь это слово вообще уместно) — демонстративная поддержка любых шагов высокого начальства. Чтоб избежать, во избежание эмоций, совсем уж близких примеров, вспомним персонажа из «Двенадцати стульев», на вопрос о его политическом кредо ответившего одним словом — «всегда»!

Синдром «маленького человека». Её суть выражается типа «начальству видней» и т. п. Идея — быть подальше от «опасной» сферы политики и власти, максимально от нее дистанцироваться — «прикинуться несъедобным» (по Гудкову), или «шлангом», по народному. А циничность ее состоит в снятии с себя ответственности за все, происходящее за пределами маленького личного или группового мирка, в своего рода «самоиндульгенции».

Синдром одинокого человека Он, по сути, служит той же цели, но в несколько ином варианте, выражающейся словами «что я могу один?». (Тут вспоминается сцена из старого «капустника» в постановке Э. Радзинского в студенческом театре МГУ, где эта фраза повторялась все более заполнявшими сцену людьми, в какой-то момент начинавших маршировать, повторяя этот рефрен — «что я могу один?»). А в плане более научном этот синдром «толпы

² Иван Ильин, верней, вырванные из него цитаты и их интерпретации, стали сейчас у некоторых наших склоняющихся к нацизму государственников весьма модным инструментом. Но это — сюжет отдельный.

одиноких» означает отсутствие чувства **солидарности** между людьми. В частности, это проявляется в качественной, на порядки, разнице в количестве людей, выходящих на уличные акции в наших городах и городах зарубежных в качестве реакции на какие-либо экстремальные обстоятельства, например, а убийства по политическим или религиозным мотивам — от убийства «неудобных» журналистов до убийств оппозиционных политиков. (Например, на марши после убийства Политковской в Англии вышли тысячи, а в Риме — десятки тысяч человек; в Москве — триста. Даже совсем недавний траурный марш после убийства Немцова, все же собравший больше 50 тысяч человек, трудно сравнить с миллионным маршем в Париже после расстрела редакции «Шарли Эбдо»).

Преставление (искреннее или лицемерное) о политике как о деле, несовместном с моралью, имманентно «грязном» и потому якобы недостойном для «порядочных людей» занятия. Дескать, главное в политике это — властолюбие, стремление к власти любой ценой, умение предать, обмануть и т. п. Увы, следует признать, что подобные мнения и суждения подкреплены обширной практикой, как исторической, таки современной. Однако, на мой взгляд, здесь происходит лукавая *подмена должного сущим, легитимация аморализма*. Сведение политики к «византийству», к макиавеллизму тоже имеет оттенок цинизма. Ибо отрицается такая несовместимая с цинизмом моральная категория как справедливость. А, как писал блаженный Августин ещё в IV веке, «в отсутствие справедливости что есть государства, как не просто большие шайки разбойников, и что есть шайки разбойников, как не государства в миниатюре» [Графский 2005: 185]. Мне представляется, что именно наличие моральных факторов маркирует границу между *политикой и политиканством*. Ибо чем же иначе отличается политика от того, что на современном жаргоне называется преступным «беспределом»?!

Наверняка эта классификация не исчерпывающа. И можно многое добавить или иначе сформулировать, например, проекцию на других собственных понижающих мотивов, о чем писал Гудков. Тут явно одним докладом не ограничиться. Но общим знаменателем мне представляется **глубокая ценностная деформация или даже ценностная аномия** у большинства нашего народа. Но отдающий безнадежностью тотально пессимистический взгляд на состояние нашего общества, мне кажется, не оправдан и к тому же оказывает деморализующее воздействие на людей, на их готовность действовать, менять что-либо к лучшему. Поэтому для завершения хотелось бы добавить немного оптимизма.

Движение мира к моральной политике

Цинизм — это своего рода «принципиальный» аморализм. А главная тенденция в сегодняшнем мире все же иная. В мире политики и сегодня полно цинизма. Но трагический опыт XX века всё-таки кое-чему научил людей. Не переоценивая ни западных, ни, тем более, наших политиков, можно, тем не менее, с оговорками сказать, что в целом демократические страны, пусть спотыкаясь, оглядываясь, даже делая попятные шаги, но все же движутся к моральной политике. К этому политиков толкают возросший уровень обращаемых к ним общественных ожиданий и требований. Наступают «новые времена», когда даже политические циники вынуждены играть по другим правилам. Моральность политики выстрадана человечеством. Попытки игнорировать это исторически бесперспективны.

И дело не только в «высоких идеалах», но и в прагматике. Вспоминается название книги Сергея Ковалева «Прагматика политического идеализма». Ведь в хотя бы относительно нормальных обществах *быть честным прагматически выгодно*, ибо бесчестность начисто губит репутацию человека и, соответственно, его карьерные и другие личные перспективы, делает его «нерукопожатным» с соответствующими последствиями. А один из ключевых элементов «нормальности» общества — уважение к основным государственным институтам. Неизбежным же следствием политического цинизма является их низкий общественный пре-

стиж и в целом падение уважения к государствам в их существующих формах, политическое отчуждение, массовые протесты, «двойная мораль». И даже самый высокий рейтинг отдельных политиков не компенсирует низкого престижа политических институтов, низкого уровня доверия и неуважения к ним. К тому рейтинг — вещь эфемерная, непостоянная, как мы знаем даже из отечественного опыта мгновенного падения рейтингов сначала Горбачева, потом Ельцина. Рейтинг без уважения к институтам, людей друг к другу — надутый «мыльный пузырь». А одна из базовых основ цинизма — всеобщее неуважение. Вспомним одно из последних стихотворений Булата Окуджавы:

Всемирный опыт говорит,
 Что погибают царства
 Не от того, что труден быт
 Иль тяжелы мытарства.
 А гибнут царства от того,
 И тем больней, чем дольше,
 Что люди царства своего
 Не уважают больше.

Времена сегодня меняются быстро и непредсказуемо. Вспомним название книги Иммануила Валлерстайна: «Конец знакомого мира». Наступило время неопределённости и непредсказуемости даже с помощью лучших социологических инструментов. И при этом оно максимально спрессовалось. Десятилетия — до немногих лет. И будущее не в последнюю очередь зависит от того, сумеем ли мы преодолеть эпидемию морального цинизма, которая в чем-то даже опасней эпидемии Эболы.

И последнее. На шкале политической морали цинизм — противоположный полюс по отношению к романтизму. В 2011–14 гг. мы имели всплеск *политического романтизма* со всеми его симпатичными, возвышенными, но практически, инструментально неэффективными атрибутами. Сейчас маятник целенаправленными и безнравственными в своей основе усилиями власти затолкали в противоположную сторону — агрессивного цинизма. Но очевидно, что надолго удержать его в такой противоестественной позиции не удастся. Поэтому надо работать над приведением его в более устойчивую и политически рациональную центральную позицию. Назовём ее политическим реализмом, или *«повышающей адаптацией»* в противовес «понижающей адаптации», описанной Гудковым. В человеке, как говорится, много всякого «намешано». И *надо апеллировать к лучшей его стороне — к чувству собственного достоинства, к самоуважению, к потребностям высших уровней* (по пирамиде А. Маслоу). А не ограничиваться пусть даже самыми интеллектуально изощрёнными описаниями его низкой стороны и качеств и вытекающими отсюда формами поведения. Иначе это становится легитимацией цинизма, независимо от намерений аналитиков, даже самых честных и благородных. А апеллировать есть к чему. Вспомним «дядю самых честных правил», который «уважать себя заставил и лучше выдумать не мог». И надо помогать людям начать себя уважать, что, в частности, предполагает и презрительное неприятие циников, в том числе циников на политической ниве. Независимо от их ранга. И, что представляется ключевым и обещает реальные позитивные последствия, надо воспитывать не только презрительное к ним отношение, но и соответствующее этому отношению *политическое поведение*. В этом видится моральный долг людей науки, т. е. нас с вами.

И.А. Иванников: Спасибо за доклад. У вас прозвучало, что Россия — государство-изгой. Что сделать, чтобы не быть страной-изгоем, а хорошим учеником? В Европе считают, что Россия должна быть хорошим учеником. Петр I, Горбачев, Ельцин были хорошими учениками, а сейчас плохой ученик. Путин говорит, что есть демократия, но это имитация демократии, т. е. ученик непослушный.

А.В. Оболонский: Что вы от меня в этом смысле хотите услышать? Это не я назвал Россию изгоем, мне это больно слышать. Это цитата, она отражает некое субъективное вос-

приятие реальности. Более того, считают, что Россия выпала из цивилизации. Мне это больно, я так не считаю.

И.А. Иванников: А как можно из этой ситуации выйти?

А.В. Оболонский: Такова нелицеприятная диагностика ситуации. А простого рецепта на излечение у меня нет. Давать простые ответы на сложные вопросы — шарлатанство. В рамках нашей дискуссии противоположностью цинизма может быть обретение чувства собственного достоинства. Оно проявляется во всем, в том числе в экономике. Разве наша так называемая элита себя уважает? Ничего подобного. А чувство собственного достоинства — очень важная штука. Помните, Солженицын говорил, что граница между добром и злом проходит не между партиями и не между народами, она проходит в сердце каждого человека. Я не шарлатан и рецепт вам не предложу. Государство за последнее время допустило целый ряд политических ошибок, а мы с вами за эти ошибки только начинаем расплачиваться. Прежде всего надо минимизировать политические ошибки.

Г.В. Драч: У меня простой вопрос, но он затрагивает сложные темы, о которых мы говорим. В 2003 году был Всемирный философский конгресс в Стамбуле. И на нем обыгрывались некоторые современные ситуации. А именно — недоверие, цинизм, отношения между странами, война, вмешательства в дела суверенного государства, бомбардировки. Там был доклад Юргена Хабермаса, мы с ним многократно общались, были выступления американских профессоров. Вы знаете, возникает ощущение полного диссонанса с тем, что сейчас мы здесь говорим. Это хорошо, так и должно быть, потому что они критиковали свою политику, а мы критикуем свою. Они должны заботиться о себе, а мы о себе. Но у них были правильные вещи, в том числе ссылки на трактат Канта «О вечном мире». Вопрос у меня такой: мы на классические вещи ссылаемся или выстраиваем новую концептологию, на основе анализа политических процессов, социологических обсчетов и т. д.?

А.В. Оболонский: Вы провоцируете длинные рассуждения. Но вы упомянули Канта, у которого есть золотое правило, а звучит оно так: «Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой». Вот так кратко я могу ответить. Эта ценность должна лежать в основе и концептологии и политики. Не аморального политиканства, а политики. Раз вы уж Канта упомянули, то я сошлюсь на Аристотеля. Он сказал, что «политика это вещь, которая опрокинута в общественную сферу».

В.Ю. Попов: Я хочу задать вам вопрос, как правоведа. Когда было уничтожено советское правоведение 1920-х гг. и на его смену пришла социалистическая законность, то в принципе она была результатом революционного преобразования общества. Пытались найти некий компромисс между правом дореволюционной России и социалистической законностью. Вы говорили об очагах и эпидемии распространения цинизма. Как вы считаете: очаги распространения цинизма находятся ближе к событиям революции или к событиям, которые называются стабильностью и застоём? Мне кажется это важно, потому что некоторые связали цинизм с революцией. Но есть и концепция перманентной революции, она предлагалась как разновидность политической борьбы с цинизмом.

А.В. Оболонский: Имеется в виду Троцкий?

В.Ю. Попов: Да. Если мы стоим на позициях революционного процесса, смены и институтов, то не порождаем ли мы заново цинизм? Потому что старые формы не уходят, а новые ещё не установились. Очаги появления цинизма связаны с революцией или стабильные состояния общества порождают цинизм?

А.В. Оболонский: Спасибо, очень интересный вопрос. Старое ещё не уходит, а новое ещё не успело наступить. Действительно, одно разрушается быстрее, чем возникает новое. Это все описывается одним словом — аномия. Цинизм появляется как болезнь, хотя всякие аналогии сомнительны, но если их приводить, то цинизм — это чёрная оспа или чума. Вначале она возникала, а за нею шли страшные эпидемии. Тут важно, как играют интеллигенция и власть — на понижение или на повышение. Нынешняя власть мобилизует электорат на пони-

жающую адаптацию. Понижающая адаптация — очень точное слово, она тесно связана с цинизмом. Это требует длительного разговора.

Б.А. Камкия: Можно ли связывать явление цинизма с деятельностью политических элит, отчуждением масс народа от участия в демократии? Если общество основано на принципах морали и нравственности, то элиты должны работать по принципу взаимности с народом. Если же этот регулятив понизить, то они освобождаются от ответственности перед народом. Значит, элита виновата в массовом отчуждении народа от участия в политике?

А.В. Оболонский: Согласен с вами. Но это не вся история, а только ее часть. Общество состоит из индивидов, а в каждом индивиде есть множество разного. Поэтому можно апеллировать к одному или к другому. СМИ — это массовая апелляция к тому, что вы говорите.

Г.В. Драч: А когда массы реально участвовали во власти? Даже при социализме это было словах. В Америке они участвуют или просто ходят на эти шоу? Что вы сказки рассказываете? (*Шум в зале*)

А.В. Оболонский: Не знаю, с кем мне дискутировать. Я не могу давать готовых рецептов. Лев Дмитриевич более пессимистичен, чем я. А я исторический оптимист, скажем так. А приказать вам — делай раз, делай два, делай три — как боевой устав, это не правильно, я считаю. Это можно делать по-разному. Я делаю то, что могу.

Г.А. Матвеев: У вас получилось, что геополитика есть главный источник политического цинизма

А.В. Оболонский: Один из них, но не главный.

Г.А. Матвеев: Я хотел уточнить, что это часть политики. Которая так же цинична, как и все остальное. Поэтому можно в какой-то мере с вами согласиться. Теперь второй вопрос. У вас оппозиция родилась из чувства собственного достоинства. На мой взгляд, это неверно. Потому что чувство собственного достоинства может возникнуть и у циничного человека. Он может сказать: «Посмотрите, какой я молодец, сколько я сделал в рамках своих задач». Мне кажется, здесь должна быть оппозиция цинизма и гуманизма. Если мы говорим, что цинизм — аморальная категория, то мораль — это позиция поведения человека, чтобы люди не убивали и не насиловали друг друга. Это очень простое определение.

А.В. Оболонский: Согласен с вами с одной поправкой. Подлинное чувство собственного достоинства включает уважение не только к себе, но и к другому. А гуманизм — замечательная вещь, но он может быть и боевым.

Государственная служба... 2009. *Государственная служба: комплексный подход*. Под ред. А.В. Оболонского. — М.

Графский В.Г. 2005. *История политических и правовых учений*. — М.

Гудков Л.Д. 2013. Человек в неморальном пространстве: к социологии морали в посттоталитарном обществе. — *Вестник общественного мнения*. — № 3–4. — С. 118–178.

Карамзин Н.М. 1991. *Записка о древней и новой России*. — М.

Оболонский А.В. 2015. Геополитика как фантом ложного сознания. — *Общественные науки и современность*. — № 1. — С. 75–82.

Переломов Л.С. 1968. *Конфуцианство и легизм в политической истории Китая*. — М.

Цинизм... 1975. Цинизм. — *Словарь по этике*. Под ред. И.С. Кона. — М. — С. 342.

Цинизм... 1978. Цинизм. — *Большая советская энциклопедия*. Т. 28. — М. — С. 570.

Шан цзюнь шу... 1968. *Шан цзюнь шу (Книга правителя области Шан)*. — М.